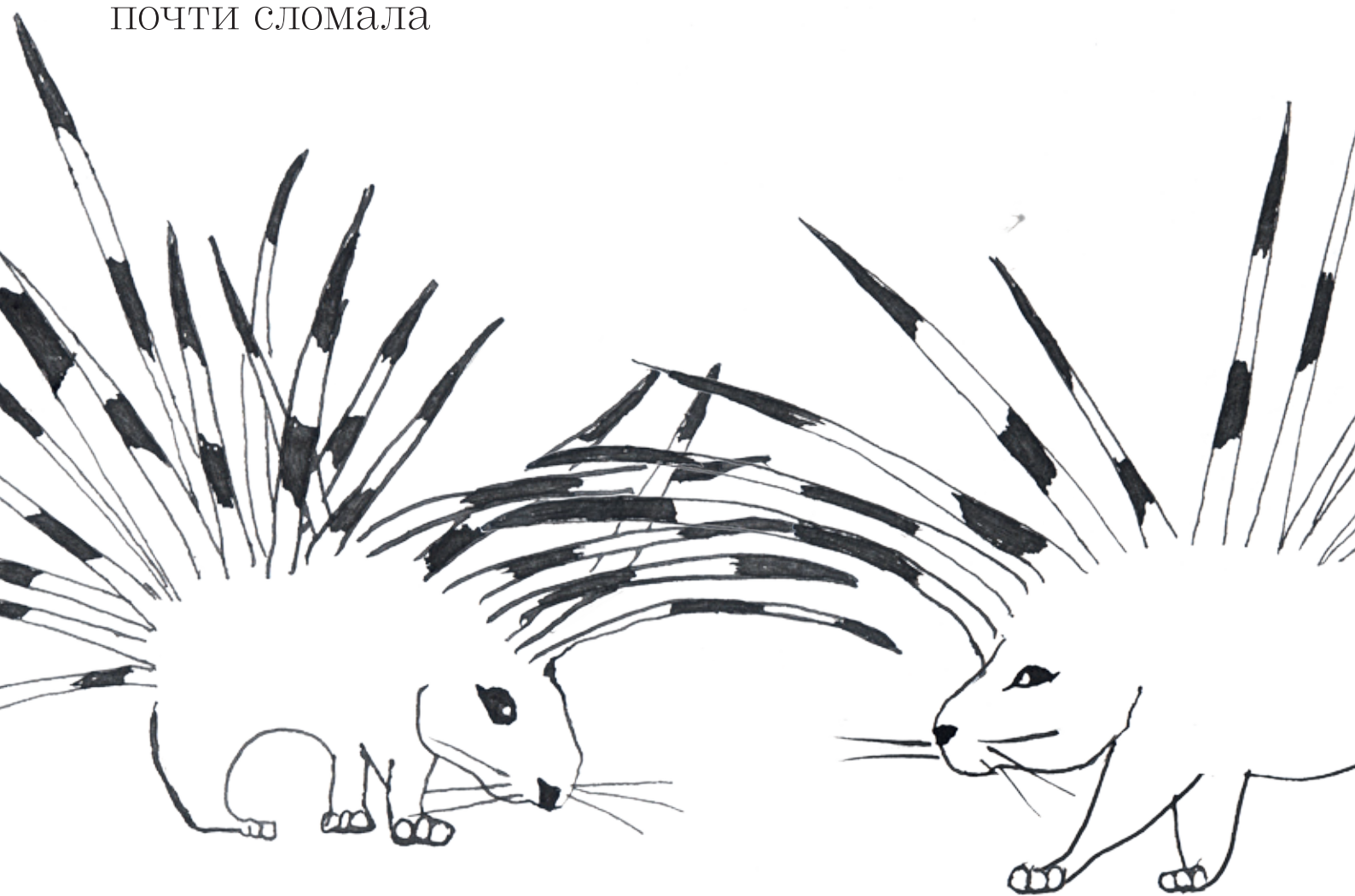

Дикобраз по дороге в Царствие Небесное,

или Что делать,
если борьба с грехами тебя
почти сломала

Письмо в редакцию

Как жить православному христианину в миру? Отречься от книг, компьютерных игр, сериалов, других развлечений и вести себя, как монах? Евангелие же говорит именно о таком идеале. Нужно отказаться от всего, ведь любой вид досуга является страстью и суетой мирской, которая не несет ничего полезного. В начале пути к вере Бог помогает, и человек легко бросает прежние увлечения, посвящая себя всецело Ему, но потом это кончается, и приходится самому ползти на брюхе через океан страстей. Постепенно снова возвращаешься к прежним увлечениям и «обмирщаешься». И нет никаких сил бороться со страстями. Затоскуешь опять по чистой жизни, резко бросишь все лишнее, но хватает тебя на несколько дней, а потом опять поддаешься миру. И постоянно мучают сомнения, правильно ли жить мирянину, как монаху, избегая всего, или нет? Силы кончаются, и внутренне приходишь до такой степени отчаяния, что понимаешь, что не можешь жить благочестиво и хранить себя от мира, вплоть до того, что осознаешь: тебе такая борьба не по плечу, для тебя это «бремена неудобноносимые». Как же тогда спастись в миру? Может, я делаю или понимаю что-то неправильно? Если же я понимаю всё правильно, то спастись мне вообще нереально, так как я не могу выдержать такой борьбы.

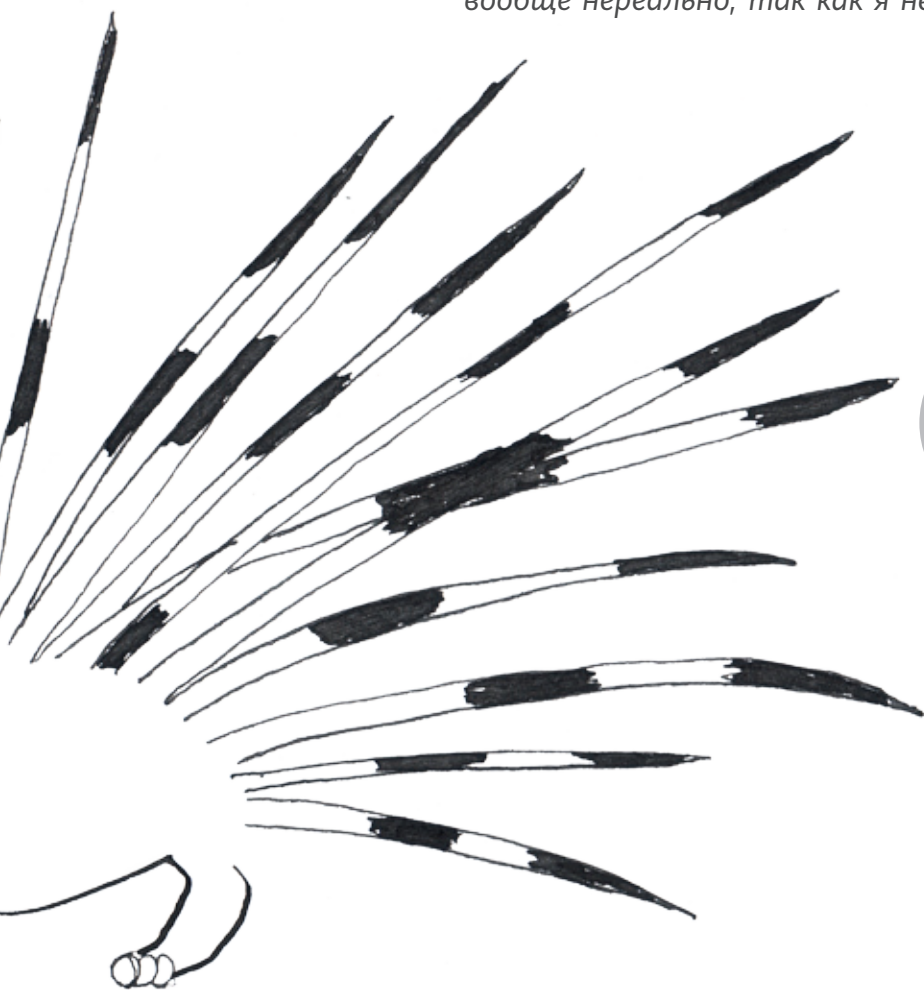
Глеб

Отвечает Александр Ткаченко:

Дорогой Глеб, спасибо Вам за это искреннее и живое письмо. Уверен, что каждое слово в нем — правда, потому что сам я тоже пережил подобное состояние, и от других христиан не раз слышал о похожих проблемах. Первое, что бросается в глаза при прочтении Вашего письма, — это какое-то запредельное одиночество. Как будто и в самом деле Вас окружает пустыня, где нет больше ни одного человека, и только лишь Вы с переменным успехом ведете в ней свою отчаянную борьбу с собственными страстями. У Шопенгауэра есть очень выразительный образ мира сего. Он полагал, что люди напоминают стадо дикобразов, бредущих по холодной ледяной равнине: им холодно, они жмутся друг к другу и колют друг друга своими иглами.

Вы пишете, что пытаетесь жить в миру, как монах, а я вспоминаю свои попытки подобного рода. И пони-

маю сейчас, что это напомидало скорее такого вот убежавшего от стаи одинокого дикобраза, наивно посчитавшего, будто уход от колючих чужих игл и есть идеал, описанный в Евангелии. Причем для этого несчастного дикобраза я даже целую «философию» умудрился сочинить. Точнее сказать — нашел ее уже в готовом виде у преподобного аввы Дорофея: «Весь мир подобен кругу, самая середина этого круга, центр — Бог, а радиусы — пути жизни

людовой. Радиусы, чем дальше идут от центра, тем более расходятся и удаляются друг от друга, и чем ближе к центру, тем ближе между собой... Таково свойство и любви: насколько мы находимся вне и не любим Бога, настолько каждый удален и от ближнего. Если же возлюбим Бога, то сколько приближаемся к Богу любовью к Нему, столько соединяемся любовью и с ближними...».

Вот с такой «геометрической» схемой я ознакомился в самые первые недели своего прихода к вере. И почему-то решил, что она описывает мою траекторию движения одинокого дикобраза к Богу: ото всех других, колючих, удалился, молюсь, пощусь, читаю христианские книжки. Ну и вроде бы приближаюсь через все эти благочестивые занятия к Богу, попутно сближаясь и с прочими дикобразами. Не ставя, впрочем, перед собой такой цели специально, а просто в силу «геометрической» неизбежности такого сближения. Иду к Богу, они тоже идут где-то там, по соседству. Подойдем ближе к центру круга — глядишь, и познакомимся. Ну а пока что мне как-то не до них совсем: я нынче стараюсь научиться жить по Евангелию и святым отцам. Так что не отвлекайте меня, пожалуйста, дорогие дикобразы-единоверцы. А то, не ровён час, подойдете слишком близко, кольнем друг друга, и будет тогда у нас с вами вместо Евангелия один сплошной Шопенгауэр. Такая вот концепция...

Правда-правда! Я умудрялся тогда месяцами ходить в храм и даже не поинтересоваться, как зовут людей, которые каждую неделю молятся рядом со мной, с которыми я из одной чаши причащаюсь Тела и Крови Христовых. Пришел — помолился — поцеловал крест на отпусте — ушел обратно в свою холодную ледяную равнину, стараюсь сохранить полученную в храме частицу тепла до следующего богослужения. И тоже, как и Вы, отказывался от чтения мирских книг, от просмотра телепрограмм, от светской музыки.

Но оказалось, что такой отказ сам по себе еще не делает человека лучше или ближе к Богу. Он лишь освобождает в твоей жизни некоторое пространство, которое ты можешь заполнить молитвой, чтением Библии и других душеполезных книг, добрыми делами — в общем, всем тем, что в совокупности и составляет жизнь христианина. Но можешь и не заполнить. И тогда это освобожденное

пространство превращается для тебя в ту самую шопенгауэровскую ледяную равнину, по которой уныло бредет отбившийся от стаи дикобраз.

Примерно так у меня все и получилось. Старые радости отбросил, а новых, благодатных и чистых, обрести не смог. Почему-то все в моей тогдашней христианской жизни воспринималось мной не как радость, а скорее как некий труд, обязанность, которую необходимо выполнить. Но любой человек нуждается в радости, он не может без нее жить, как не может жить без воздуха. Вот и в Новом Завете чуть не на каждой странице я читал — «Радуйтесь!». Ну а ежели нету ее, этой евангельской радости, что же остается? Только возврат к «радостям мирским». Постепенный, но неуклонный — шаг за шагом, одна сданная позиция за другой, уступка за уступкой своим прежним, казалось бы, навсегда оставленным привязанностям... Потом — внезапная остановка, осмысление, покаяние, попытка начать все с начала. И так — раз за разом, с выходом на все новые и новые витки этого бесконечного цикла. В общем, все примерно так же, как у Вас. От такой безысходной повторяемости действительно могут опуститься руки.

Ну а дальше к делу подключаются бесы: отчаявшийся человек — любимая их игрушка и добыча. Сначала они нашептывают все более и более радикальные способы «монашеской аскезы в миру», предлагают отказаться не только от действительно греховных вещей, но и от вполне совместимых с христианской жизнью дел и занятий. А когда человек, отказавшись от всего своего привычного жизненного уклада, начинает задыхаться в этой пустоте, злые духи начинают петь свою любимую песню о том, что «спастись нереально» и «борьба с грехом невыносима». И под впечатлением от этих, внушенных бесами, мыслей человек может не только оставить взваленные на себя непосильные ограничения, но и вообще прекратить молиться, ходить в храм, читать душеполезную литературу. То есть — стать духовным мертвецом.

Сколько игл наломали!

Причина такого кризиса даже не в самой этой весьма сомнительной, на мой взгляд, идее «монашества в миру». Беда в том, что человек, увлекшийся ею, придумывает себе в качестве идеала какое-то особое монашеское житие, аналога которому в реальном мире никогда не существовало. Да, само слово «монах» действительно происходит от греческого «монос» — один. Но речь тут идет о безбрачии — одном из трех монашеских обетов. А вот живет монах отнюдь не в одиночку.

Еще на самой заре возникновения монашества его основоположники утвердили наиболее безопасный и надежный путь прохождения монашеского подвига — жизнь в общежительном монастыре, рядом с другими монахами. И не в одной лишь молитве и чтении духовных книг проводят монахи время, но и в служении своим братьям, в терпении их недостатков и грехов, во взаимной поддержке и укреплении друг друга в вере и христианской жизни.

Чувствуете, Глеб, какая огромная разница между православным монахом и одиноким шопенгауэровским дикобразом, начитавшимся аскетической литературы? Дикобраз, живя среди людей,

уходит от них в некую метафизическую пустыню, зажав под мышкой томик «Добротолубия». Христианство для него видится системой индивидуального самосовершенствования, где есть только он сам и Бог, а другие люди, в общем-то, не так уж и нужны. В монастырях же, напротив, — люди собираются вместе, чтобы научиться видеть в другом — Христа. И не случайно одна из древних монашеских мудростей гласит: в ближнем твоём и погибель твоя и спасение твоё. А главным критерием оценки человека на Страшном Суде будет не начитанность в святоотеческой литературе, и не степень отречения от мирских занятий, а его, человека, отношение к другим людям. Которое Иисус прямо отождествил с отношением к Себе: *...так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф 25:40).

В шопенгауэровской картине мира монахи оказались бы как раз дикобразами с неправильным поведением: вместо того чтобы шарахаться друг от друга после очередного укола о чужие иглы, они стремятся еще больше сблизиться, преодолеть боль и в конце концов с Божьей помощью — обломать на себе все, чем можно было бы уколоть ближнего. Чтобы дальше можно было отдавать свое тепло всем, кто оказался рядом, уже без каких-либо неприятных для них довесков.

Бывают ли звезды несчастными

Сейчас я точно знаю, где ошибся во времена своей церковной юности. В упомянутом выше отрывке из рассуждений аввы Дорофея я почему-то не прочитал самые последние, завершающие слова: «... и сколько соединяемся с ближними, столько соединяемся и с Богом».

Важнейшая ведь мысль — о том, что христианином невозможно быть в одиночку. Но я ее пропустил мимо себя и поплатился за это парой лет одиноких метаний из стороны в сторону, очень похожих на те, о которых пишете сейчас Вы. Думаю, наши с Вами проблемы выросли из одного корня — весьма смутного представления о том, что же представляет из себя Церковь.

Мне в свое время очень понравилось мысль нашего русского философа Алексея Степановича Хомякова: «Церковь не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений,

покоряющихся благодати». Но сегодня я вижу, что при всей своей глубине и поэтичности это красивое определение страдает некоторой ущербностью. Дело в том, что оно позволяет одинокому дикобразу все-таки удрать от ближних в свою ледяную пустыню и уже оттуда благочестиво рассматривать Церковь как некое созвездие, состоящее из отдельных светил и планет, разделенных миллиардами километров пространства, хотя и связанных единством Божией благодати. Ну и, соответственно, позволяет ему чувствовать себя одной из таких вот одиноких звездочек, этой благодати покорившихся.

Ну а что в практическом смысле получается из такого дикобразьего видения Церкви и себя в ней, думаю, Вы, Глеб, уже поняли на собственном печальном опыте, так же, как и я.

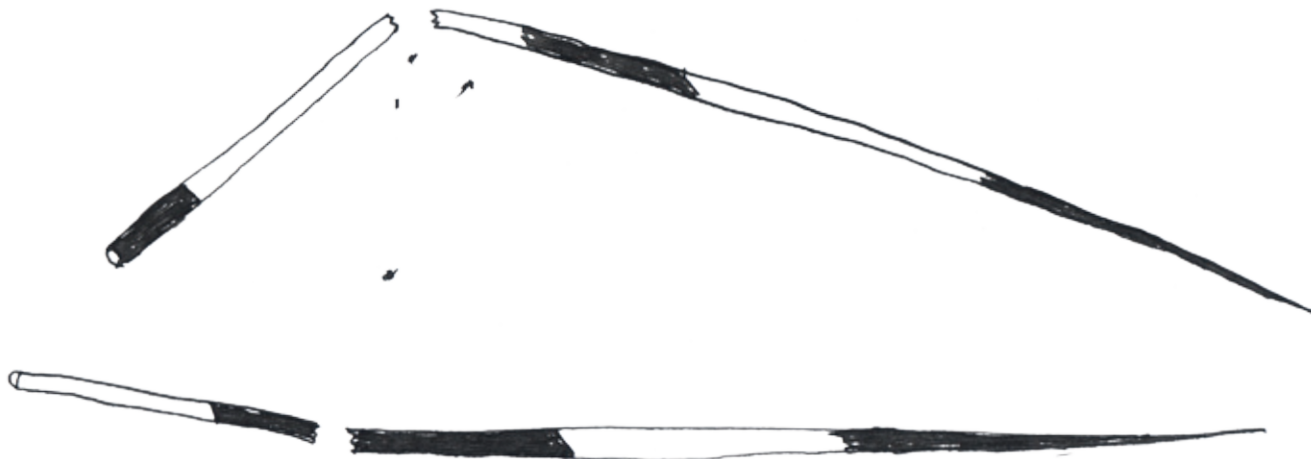
Где взять живую воду

На греческом языке слово «церковь» звучит как «эклесиа». Что в буквальном переводе означает — собрание. Поэтому в реальной жизни Церковь всегда являет себя в виде общины людей, верующих в Иисуса Христа. Это может быть монастырь, приход при храме, братство или сестричество. Форма такой общины не так уж важна. Главное, что это всегда — группа людей, собравшихся во имя Христово. И лишь находясь в таком собрании, человек может с полным основанием считать себя членом Церкви.

Именно здесь он будет получать дары Духа Святого и учиться ими пользоваться на благо ближних. Потому что даются эти дары христианам исключительно ради одной цели — служения Церкви. Да-да, вот этой самой конкретной общине, состоящей из конкретных людей — мужчин, женщин, бабушек, молодежи, детей. А также для служения другим таким же общинам и людям, которые по разным причинам пока находятся еще вне Церкви. Именно для служения Господь и подает Свою благодатную помощь каждому христианину.

Вы ведь и сами пишете о пережитом опыте подобного рода, когда упоминаете о самом начале своей христианской жизни. Наверняка Вы в ту пору общались с кем-то из православных, возможно, приблизились к какой-то церковной общине. Ведь в Церковь человека обычно приводят люди, уже к ней принадлежащие. И Вы получили тогда дар — жить благочестиво и праведно.

Но Господь не случайно назвал Свои дары реками воды живой. Ведь «живая» означает еще и — ➔

проточная. Полученной благодатью нужно делиться с другими, отдавать ее, служить ею. И чем щедрее и самоотверженнее будет это служение, тем больше Бог будет восполнять эту живую воду в нашей жизни. Если же этого не делать, считая полученную благодать лишь неким «волшебным» средством только для своего индивидуального освящения, тогда с духовной жизнью человека произойдет то, что неизбежно случается со всеми закрытыми водоемами: живая вода застоится, покроется ряской, позеленеет и в итоге — перестанет быть живой.

Когда это случилось со мной, я, конечно, всего этого еще не знал. Но у Бога много способов вывести своих заплутавших детей из духовных тупиков. В ту пору я искал работу каменщика, и Он чудесным образом привел меня на строительство храма, община которого и стала для меня тогда церковью, или собранием учеников Христовых.

По мере вхождения в ее жизнь прекращались и мои метания. Каждый день, отправляясь на работу, я с радостью думал о том, что там меня ждет не только кирпичная кладка, но и встреча с батюшкой — тонким, и умным человеком, всегда готовым помочь, разъяснить непонятное, ответить на вопросы о духовной жизни, которых у меня в ту пору скопилось множество. Не только из книжек уже, а из ежедневного общения с живым человеком, духовным чадом старца Иоанна Крестьянкина, чер-

пал я свои представления о христианстве. И по мере своего воцерковления тоже старался участвовать в жизни общины: пел в церковном хоре, вел занятия в воскресной школе для детей, помогал батюшке готовить семинары для взрослых, интересующихся христианством. А чуть позже и сам, по благословению священника, стал ходить на встречи с учащимися местного сельскохозяйственного колледжа, где рассказывал ребятам о Церкви, отвечал на их вопросы. Да и писать я тоже начал в церковной общине, когда мы договорились с редакцией местной газеты об издании ежемесячной церковной странички.

Найти свой дом

Таким было начало моей христианской жизни в миру, после того как я вышел из своей ледяной дикобразей пустыни и стал прихожанином Свято-Покровского храма в нашем городе. В одиночку христиане не спасаются, а гибнут. И я хотел бы пожелать Вам, Глеб, обязательно войти в одну из православных общин. Возможно, это получится не сразу, поскольку общинная жизнь в нашей поместной Церкви еще не сформировалась должным образом. Патриарх Кирилл с горечью говорил об этом на Архиерейском совещании в Москве 2 февраля 2015 года:

«Одной из причин, по которой приходы становятся либо разобщенными сообществами, либо сообществами для “своих”, но никак не едиными общинами, является непросвещенность как самих прихожан, так и тех, кто только начал посещать храм Божий, в вопросах веры и сути церковной жизни. Люди часто не понимают, что такое приход, что такое Евхаристия, какое место они занимают в Церкви. Забывая о цели и миссии Церкви как общества, объединенного в любви вокруг Евхаристической чаши, прихожане либо с трудом принимают приходящих извне и замыкаются в собственном кругу, либо воспринимают хождение в храм как личное дело, не предполагающее активного участия в жизни прихода. Новоначальные же зачастую и вовсе остаются вне общинной жизни. <...> Реалии жизни таковы, что прихожане зачастую не привязаны к конкретному храму. Между тем испокон веков каждый член Церкви входил в определенную общину. Почему на Руси было так много храмов? Потому что, как только община разрасталась до размеров, при которых нормальная приходская жизнь становилась затруднительной, возникала необходимость строить новый храм. Так сложился совершенно определенный уклад жизни приходских общин. Вернуться к нему в полной мере сегодня невозможно, но некоторые изменения в этом отношении должны быть».

Ну а пока эти изменения будут происходить, думаю, стоит молиться Господу и просить Его, чтобы Он Сам указал, в какую из церковных общин Вам предстоит войти. Я уверен, что такая молитва обязательно будет услышана, и Вы начнете свою церковную жизнь. Тогда Ваша ревность по благодетности получит столько возможностей для реализации, что на компьютерные игры и телесериалы у Вас просто не останется времени.

Иисус сказал: *...если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них.*

Глеб, ищите же этих двоих, троих — или сколько бы их там ни было — людей, собравшихся ради Господа. Ищите свою церковь. Потому что лишь в ней Христос и спасение, лишь в ней реки воды живой. В одиночку же, по слову святителя Феофана Затворника, не спасается никто. **✠.**

